

Некоторые
сердца
созданы не для
жизни, а для вечности.

МРАМОРНОЕ СЕРДЦЕ

— ЕВГЕНИЯ ЛИТОВЧЕНКО —

Евгения Литовченко

Мраморное сердце

<https://litres.ru/74652042>

SelfPub; 2026

Аннотация

Некоторые сердца созданы не для жизни, а для вечности.

Говорят, красота способна пережить время. Но что, если однажды она станет твоим проклятием?

Среди холодного мрамора, увядающих цветов и теней прошлого Эвелин находит нечто, что постепенно занимает все её мысли. Есть чувства, которым не нужны слова, и тайны, которые лучше было бы оставить погребёнными под камнем. Но где проходит граница между любовью и одержимостью? Между прекрасной мечтой и правдой, способной разрушить её?

В мире, где прошлое не отпускает, а вечность может оказаться страшнее смерти, даже самое нежное чувство имеет свою цену.

Короткий готический роман о любви, иллюзиях и тонкой грани между тем, что мы видим, и тем, во что отчаянно хотим верить.

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Евгения Литовченко

Мраморное сердце

Глава 1

В тот день Эвелин совершенно не собиралась посещать кладбище. Она вообще старалась не строить планов, которые могли бы привести её туда после наступления сумерек. Не из суеверия, по крайней мере, именно так она объясняла это себе, а потому, что старые кладбища обладали неприятной способностью задерживать человека дольше, чем тот рассчитывал. Стоило остановиться возле одного надгробия, прочесть имя, высеченное на камне, и невольно задуматься о человеке, которому оно принадлежало, как незаметно проходили полчаса. А иногда и больше. Время в подобных местах словно теряло привычную последовательность: прошлое становилось осязаемым, настоящее – несущественным, а будущее казалось чем-то настолько далёким, что о нём не имело смысла беспокоиться. Эвелин нравилось это ощущение.

Впрочем, в тот четверг она всего лишь возвращалась из книжной лавки. Небо с самого утра оставалось низким, затянутым тяжёлыми серыми облаками, и дождь, начавшийся ещё до полудня, успел вымочить мостовые, потемнить фаса-

ды домов и заставить редких прохожих торопливо прятать лица в воротниках. Эвелин шла медленно, придерживая рукой шляпку, хотя ветер давно стих, и время от времени поглядывала на свёрток под мышкой. Внутри лежал старый сборник стихотворений, за которым она охотилась почти месяц, и мысль о том, что вечером наконец удастся устроиться в кресле у камина и прочитать его без необходимости отвлекаться на чужие разговоры, казалась ей достаточно приятной, чтобы простить этому дню его промозглость.

До дома оставалось не больше четверти часа, когда она заметила приоткрытую калитку. Кладбище располагалось за старой церковью, окружённое высокой оградой с потемневшими от времени прутьями. Летом его почти полностью скрывала зелень, а теперь, когда листья начали опадать, оно выглядело особенно мрачным. Между деревьями виднелись надгробия, некоторые настолько старые, что надписи на них давно превратились в беспорядочные углубления. В глубине возвышался семейный склеп с треугольным фронтоном, украшенным потемневшими фигурами ангелов. Эвелин остановилась. Она знала это кладбище. Несколько раз бывала здесь прежде, преимущественно весной, когда цвели кусты у западной стены и воздух наполнялся сладковатым запахом влажной земли. Однако в старой части она никогда не задерживалась: дорожки там были узкими, некоторые надгробия покосились, а плещ настолько густо оплёл каменные ограды, что порой казалось, будто природа медленно, но

настойчиво возвращает себе всё, что люди пытались у неё отнять. Эвелин посмотрела на часы. Она могла бы пойти домой, но вместо этого она поправила перчатки, переложила свёрток в другую руку и толкнула калитку.

Металл тихо скрипнул.

— Десять минут, — произнесла она негромко, словно кому-то требовалось объяснить её решение. — Не больше.

Разумеется, она не сдержала обещания. Сначала всё происходило именно так, как она предполагала. Эвелин прошла по главной дорожке, задержалась возле небольшого памятника девочке с каменной птицей на ладони, прочла дату смерти и испытала привычное, почти профессиональное любопытство к работе неизвестного мастера. Лицо ребёнка было исполнено с некоторой неумелостью: глаза получились слишком большими, губы — чересчур тонкими, а пальцы, державшие птицу, казались непропорционально длинными. Но в этой несовершенной работе было что-то трогательное. Кто-то заплатил за эту статую, кто-то выбрал для неё место, кто-то, вероятно, приходил сюда каждую неделю, чтобы убрать опавшие листья с пьедестала.

Потом дорожка свернула за ряд старых кипарисов, и Эвелин увидела мужчину.

Первое, что привлекло её внимание, был не сам силуэт, а необыкновенная белизна камня. Среди потемневших от дождя надгробий и тёмной зелени он казался почти светящимся. Статуя стояла в стороне от главной дорожки, за низкой

кованой оградой, на небольшом постаменте из серого гранита. Высокая мужская фигура была обращена вполоборота к дорожке. Одна рука покоилась на краю постамента, другая свободно свисала вдоль тела. На мужчине был длинный сюртук, расстёгнутый у горла жилет и рубашка с высоким воротником. Всё выглядело старомодным даже для этого кладбища, хотя Эвелин не могла бы сказать, к какому именно десятилетию следовало отнести одежду.

Она сделала несколько шагов вперёд. Потом остановилась, и, сама не понимая почему, подошла ещё ближе. Статуя была удивительно хорошо выполнена. Эвелин не раз видела мраморные фигуры, чья безупречность производила впечатление прежде всего благодаря масштабу или искусной обработке материала. Здесь же мастер будто сумел обойти самое главное ограничение скульптуры: неподвижность. Мужчина не выглядел застывшим. Он выглядел человеком, который просто решил не двигаться. Складки сюртука лежались естественно, без той нарочитой театральности, которую Эвелин нередко замечала в памятниках девятнадцатого века. На запястье, выглядывавшем из-под манжеты, обозначались сухожилия, пальцы были длинными, с тщательно проработанными суставами и ногтями. Даже лёгкое напряжение в кисти казалось намеренным, словно рука могла сжаться в любой момент. Но всё это оставалось лишь мастерством.

Лицо было другим делом. Эвелин медленно подняла голову. У мужчины были высокие скулы, прямой нос и тонкие гу-

бы, уголки которых едва заметно приподнимались. Не улыбка, скорее, её обещание. Выражение, которое можно было принять за насмешку, если смотреть на него слишком долго, или за снисходительность, если не придавать ему особого значения. Под тяжёлыми веками лежали глубокие глаза. Скульптор не стал делать зрачки выпуклыми или подчёркивать их тёмным материалом, как поступали некоторые мастера, пытавшиеся добиться сходства с живым человеком. Глаза оставались белыми, мраморными, и всё же взгляд казался направленным куда-то за пределы кладбища.

Эвелин поймала себя на том, что пытается понять, на кого он смотрит. На дорожку? На человека, стоявшего перед ним? Или на что-то, чего уже давно не существовало? Она чуть наклонила голову, рассматривая лицо под другим углом.

— Как странно, — пробормотала она.

Ей захотелось обойти статую, посмотреть на неё сбоку, изучить профиль. Она оглянулась на калитку, словно проверяя, не наблюдает ли кто-нибудь за ней, и только после этого отодвинула незапертую створку ограды.

Внутри было сухо. Под ногами лежал тонкий слой хвои, а у основания постамента росли мелкие белые цветы, давно утратившие лепестки. Эвелин присела, чтобы рассмотреть гранитную плиту. Она ожидала увидеть имя. На большинстве старых памятников имя покойного было высечено крупными буквами — иногда с датами, иногда с короткой надписью, иногда с целым абзацем, в котором скорбящие пытались

уместить всё, что не сумели сказать при жизни. Но здесь передняя сторона постамента оказалась почти пустой. На камне виднелись лишь следы выветрившейся резьбы, слишком стёртой, чтобы разобрать хотя бы одну букву.

Эвелин провела пальцем по углублениям.

— Ну же, — тихо сказала она, будто камень мог ей ответить. — Неужели совсем ничего?

Она обошла постамент. С обратной стороны обнаружилась небольшая табличка из потемневшего металла, почти полностью скрытая плющом. Эвелин осторожно отодвинула листья и попыталась прочесть надпись. Буквы сохранились лучше, чем она ожидала, однако часть слов исчезла под слоем ржавчины. Она смогла разобрать лишь несколько фрагментов: имя мастера, год установки и одно короткое слово в самом низу. Памяти. Кому именно был посвящён памятник, оставалось неизвестным. Это раздражало её сильнее, чем следовало. Эвелин выпрямилась и ещё раз осмотрела статую, теперь уже с тем особым вниманием, которое обычно возникало у неё перед загадкой, не желавшей поддаваться с первой попытки. Она любила находить связи между вещами, которые на первый взгляд казались совершенно не связанными. Иногда это помогало ей в работе, иногда – в чтении, а порой приводило к тому, что она тратила целый вечер на попытки установить, почему герой романа в одной главе произнёс определённую фразу, а в следующей вдруг замолчал. Она подозревала, что в этом было что-то нездоровое.

Но подозрение никогда не останавливало её надолго.

Взгляд снова вернулся к лицу мужчины.

— Кем же ты был? — спросила Эвелин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.